

ИЛ

Современная
художественная
литература

Стивен Винсент
Бене
За зубом
к Полю Ревиру

Стивен Винсент Бене

Рассказ Анджелы По

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162040

Стивен Винсент Бене «За зубом к Полю Ревиру». Библиотека журнала «Иностранная литература»: Известия; Москва; 1988

Аннотация

От исторических и фольклорных сюжетов – до психологически тонких рассказов о современных нравах и притч с остро-социальным и этическим звучанием – таков диапазон прозы Бене, представленный в этом сборнике. Для рассказов Бене характерны увлекательно построенный сюжет и юмор

Содержание

Стивен Винсент Бене

Рассказ Анджелы По

В то время я был очень молодым человеком в издательском деле – моложе, наверно, чем нынешние молодые люди, – ведь это было еще до войны. Диана целилась из лука в небо над Мэдисон-сквер-гарден, который действительно находился на Мэдисон-сквере, и сотрудники в нашей нью-йоркской редакции, которые постарше, еще донашивали бумажные нарукавники и люстриновые пиджаки. Редакции бывают молодые и старые: кипучие, сверкающие, самонадеянные новые редакции, гудящие голосами неопытных экспертов, и смирившиеся, печальные маленькие редакции, которые уже поняли, что настоящих успехов им не добиться. Но под вывеской «Трашвуд, Коллинз и К^о» царил атмосфера прочной традиции и солидного достоинства. По выцветшему ковру в приемной в разное время шагало множество знаменитых ног – может быть, чуть меньше, чем я уверял молодых людей от других издателей, но легенды, несомненно, были. Легенда о Генри Джеймсе, об Уильяме Дине Хоуэлсе ¹ и еще о молодом человеке из Индии, по фамилии Киплинг, которого приняли за мальчика из типографии и бес-

---

¹ Уильям Дин Хоуэлс (1837 – 1920) – известный американский прозаик, один из самых влиятельных критиков своего времени, друг Генри Джеймса и Марка Твена.

церемонно выпроводили вон. На новых авторов наша атмосфера всегда производила большое впечатление – пока они не заглядывали в свои договоры и не обнаруживали, что даже их австралийские права каким-то образом стали неотъемлемой собственностью фирмы «Трашвуд, Коллинз и К^о». Но стоило им лично свидеться с мистером Трашвудом, и они убеждались, что самые удачные их произведения выпущены в свет из строжайшего чувства долга и, безусловно, в ущерб издательскому карману.

Мой стол стоял дальше всех других и от радиаторов и от окна, так что летом я жарился, а зимой замерзал и был совершенно счастлив. Я был в Нью-Йорке, я участвовал в выпуске книг, я видел знаменитостей и каждое воскресенье писал об этом письма своему семейству. Правда, порой знаменитости во плоти выглядели не так внушительно, как в печати, но они давали мне почувствовать, что я наконец-то вижу Настоящую Жизнь. А мою веру в человека неизменно поддерживал мистер Трашвуд – его худое, усталое лицо-каменя и седая прядь в темных волосах. Когда он касался моего плеча и говорил: «Так, так, Роб-бинз, потрудились», я чувствовал, что меня посвящают в рыцари. Лишь много позже я узнал, что работаю за троих, но даже если б знал и тогда, это не играло бы роли. И когда Рэндл Дэй, от Харпера, нахально обозвал нас «святыми грабителями», я возразил ему подходящей цитатой про филистеров. Ибо мы в то время говорили о филистерах.

Честно говоря, состав авторов у нас в то время был отличный: хотя мистер Трашвуд, подобно почти всем процветающим издателям, редко когда прочитывал книгу, он обладал поразительным чутьем на все многообещающее, и притом обещающее нравиться долго. С другой стороны, были и такие имена, в которых я, как идеалист, сильно сомневался, и среди них первое место занимала Анджела По. Я мог вытерпеть Каспара Брида и его ковбоев, узколищих, мускулистых, с сердцем как у малого ребенка. Мог проглотить Джереми Джазона, доморощенного философа, чьи сафьяновые книжечки «Вера путника», «Обет путника», «Очаг путника» вызывали во мне примерно то же ощущение, как сломанный ноготь, скользящий по толстому плюшу. Издателям нужно жить, и у других издателей тоже были свои Бриды и свои Джазоны. Но Анджела По была не просто автор – это было нечто вроде овсяных хлопьев или жевательной резинки: американский общественный институт, неопрятный, неотвратимый и огромный. Я мог бы простить ее – а заодно и Трашвуда с Коллинзом, – если бы книги ее расходились хотя бы прилично. Но «Нью-Йорк таймс» уже давно стала писать о ней: «Еще одна Анджела По... безусловно, покорит своих неисчислимых читателей», а потом спешила перейти к старательному пересказу фабулы. Я часто спрашивал себя, какой незадачливый рецензент писал эти конспекты. Ведь ему нужно было прочесть все ее книги, от «Ванды на болотах» до «Пепла роз», а чтобы это было по силам одному человеку,

я просто не мог себе представить.

Место действия в романах бывало разное – от норвежских фиордов до берегов Тасмании, и каждая страница свидетельствовала о глубоком знании чужой страны, какое можно почерпнуть лишь добросовестным изучением самых болтливых путеводителей. Но менялись только декорации, марионетки бессовестно оставались те же. Даже в Тасмании дикие розы на щеках героини не поддавались воздействию климата и злостных, но на редкость неизобретательных ловушек злодея-циника в костюме для верховой езды. Злодеи, сколько помнится, почти всегда носили такие костюмы и обычно были воинствующими атеистами, хотя и занимали высокое положение в обществе. Героини были миниатюрные, не от мира сего и местную флору любили называть по именам. И надо всем этим, пресный, томительный и сладкий, как вкус огромной пышной пастилы, витал неподражаемый стиль Анджели По. Временами этот стиль доводил какого-нибудь начинающего рецензента до бешенства, и он писал беспощадную рецензию из тех, что пишут очень молодые рецензенты. Тогда девушка на телефоне получала предупреждение, и мистер Трашвуд откладывал все другие дела, назначенные на этот день. Ибо Анджела По прочитывала свои рецензии со страстью.

Вот по такому случаю я и увидел ее впервые. Я проходил мимо кабинета мистера Трашвуда, когда оттуда выскочил мистер Коллинз, видимо очень озабоченный. Толстеный

человечек, гроза производственного отдела, все личные контакты с авторами он, как правило, передавал мистеру Трашвуду. Но в тот день Анджела По возникла у нас, когда мистера Трашвуда не было, и застала его врасплох.

– Послушайте, Роббинз, – обратился он ко мне без предисловий, как человек, который идет ко дну, – есть у нас какая-нибудь первоклассная рецензия на последнюю По? Ну, знаете, из таких, где сплошной мед и масло? «Уошоу газетт» только что обозвала ее «поставщиком литературных карамелек», если б мне добраться до того, кто у них там ведаёт газетными вырезками, без крови бы не обошлось.

– Да знаете, – начал я, – к сожалению... – И вдруг вспомнил: Рэндл Дэй имел зловредную привычку присылать мне самые льстивые рецензии на Анджелу По, какие мог выискать, и одну из них прислал мне только в то утро, украсив ее веночком из цветов и сердечек. – Представьте себе, есть, – сказал я, – но...

– Благодарение богу, – произнес мистер Коллинз с жаром и, схватив меня за руку, бегом втащил в кабинет.

Но сперва я не усмотрел причин для странного напряженного выражения на его лице, а также на лице мистера Кодервуда, нашего художественного редактора, который тоже там оказался. В пухленькой скромной старушке с лицом как увядший анютин глазок не было ничего устрашающего. Да, конечно, эта была Анджела По, пусть на десять лет старше, чем самые старые из ее рекламных снимков. А потом она за-

говорила.

Голос был нежный, звенящий, однообразный и непрерывный. И пока он звучал – про мистера Трашвуда и всех ее добрых друзей у Трашвуда и Коллинза, а потом – перехода я не уловил – про то, что цветы в ее садике – тоже ее друзья, – я начал понимать, что кроется за выражением на лице мистера Коллинза. Это была скука, обыкновеннейшая скука, но возведенная в изящное искусство. Ибо когда Анджела По сердилась, она уже не устраивала громких сцен. Она всего лишь говорила своим негромким нежным голосом, и он звучал безжалостно и упорно, как бормашина, вгрызающаяся в зуб.

Пытаться перебить ее или изменить тему разговора было безнадежно, нельзя переменить тему разговора, когда темы нет. Однако же, пока она говорила и каждая минута казалась длиннее предыдущей, так что слабая плоть едва удерживалась, чтобы не расхныкаться от скуки, я начал понимать, что она-то отлично знает, чего добивается. Каким-то образом мы снова и снова возвращались к Анджеле По и к тому обстоятельству, что она ждет мистера Трашвуда, так что я и сам стал чувствовать, что его отсутствие равносильно стихийному бедствию и что, если он скоро не появится, я, чего доброго, зальюсь слезами.

К счастью, он приехал вовремя и спас нас, как только он это умел. К счастью или к несчастью, потому что, когда он вошел, я как раз показывал ей рецензию, которую утром при-

слал мне Дэй. Это уже немного ее успокоило, хотя она не преминула очень серьезным голосом сказать, что рецензий никогда не читает. От них у бабочки ломаются крылья. Какой смысл за этим крылся, я не знал, но, видимо, ответил что-то подходящее, потому что в тот же день, в пять часов пополудни, мистер Трашвуд сообщил мне, что отныне я буду получать в месяц на десять долларов больше.

– И между прочим, Роббинз, – сказал он, – не хочется вас зря загружать, но чем-то вы сегодня понравились мисс По. Так вот, мисс По как раз начинает работать над новым романом, на этот раз об Исландии – или о Финляндии, это не так уж важно, – и подарил меня заговорщицкой улыбкой. – Как вам известно, мы всегда достаем для нее все нужные справочники и посылаем ей каждую пятницу, она хочет, чтобы их принес один из сотрудников редакции. Это на западном берегу Гудзона, и свой дом она, боюсь, назвала «Орлиное гнездо», – продолжал он со смешком. – до сама она, надо сказать, очень разумная маленькая женщина, в делах разбирается как нельзя лучше – да, как нельзя лучше, – и лицо его выразило невольное уважение. – Ну так как, вы согласны? Вот и отлично, договорились. Молодец вы, Роббинз! – добавил он и рассмеялся как школьник.

Я собирался сказать ему, что решительно не согласен, но при личном общении с ним все подпадали под его чары. И все же в ту пятницу я забрал саквояж с книгами и сел на паром неохотно и сердито. А добравшись до «Гнезда», нашел

там милейшую старую даму, которая напомнила мне моих теток. Я сразу почувствовал себя как дома, она накормила меня до отвала, обхаживала суетливо, но не слишком. К чаю было всего в изобилии, на станцию меня отправили в коляске парой. В обратном поезде я с отчаянием признался себе, что отлично провел время. А в ушах у меня не смолкал звенящий негромкий голосок Анджелы По – не говорил ничего, однако не забылся. Я очень старался определить, что она собой представляет, – она была похожа на любой десяток дам, каких я знал в Централ-Сити, – дам с золотыми часиками, приколотыми на груди, которые суетливо, но с толком проводили клубничные фестивали и распродажи на «Дамской бирже». И она не... нет, что-то еще в ней было, какое-то свойство, которое я не мог определить. Благодаря ему она стала Анджелой По, но что это было? Прислуга в ее доме, как я заметил, была вымуштрована и вежлива, и собака по первому ее слову вставала с коврика у камина и уходила. И при этом, когда мисс По спускалась по лестнице, вы инстинктивно поддерживали ее под руку. Я совсем запутался, но испытывал немного виноватое желание снова побывать в «Гнезде». Молодые люди часто бывают голодны, а чай был великолепен.

А кроме того, как я и признался Рэндлу Дэю, самый дом стоил платы за вход. Это был один из тех больших деревянных домов с широкими верандами, каких в восьмидесятые годы понастроили на скалистых берегах Гудзона, где они,

непонятно почему, напоминали гигантские часы с кукушкой. Были там и газоны, и боскеты, и огромная конюшня с куполом, и подъездная дорога, усыпанная гравием, полы из лучших сортов дерева и картины в тяжелых рамах. Все это могло попасть сюда из какого-то романа Анджелы По, она прекрасно описала это вплоть до газовых рожков. И среди этого великолепия бродил мистер Эверард де Лейси, человек, которого боже вас упаси назвать мистер Анджела По.

То была моя первая встреча с супругом знаменитой писательницы, и в памяти у меня она до сих пор занимает исключительное место. Теперь уже не встречаешь их так часто, как в те времена, – этих мужчин с крупными подвижными губами, гамлетовским взором и кожей, которая помнит грим тысячи провинциальных артистических уборных. Новые актеры – это другое племя. Мистер де Лейси был не просто актер, это был трагедийный актер, что отнюдь не то же самое. В молодости он, вероятно, был очень хорош собой – такой традиционной провинциальной красотой, черные блестящие глаза и кудри Гиацинта, – а голос до сих пор рокотал как у Майкла Строгова, царского курьера. Когда он устремлял на меня свой гамлетовский взгляд и цитировал – конечно, Барда, – мне становилось стыдно, что я – не зала, набитая публикой. Но в этом смысле он держался очень тактично, и мне нравилось, как он относится к мисс По.

Ибо эти стареющие люди были безусловно и крепко при-

вязаны друг к другу, и чтобы почувствовать эту связь, достаточно было увидеть их вместе. Они уступали друг другу церемонно, с викторианской учтивостью, которая показалась мне даже трогательной. И Эверард отнюдь не был тем безобидным, необходимым мужем, какими часто оказываются такие мужья. Считалось, что он «отдыхает» от современной греховной сцены, недостойной его талантов, но считалось также, что в любую минуту он может вернуться на подмостки под рукоплескания переполненной залы. Позже я выяснил, что «отдыхал» он почти тридцать лет, с тех самых пор как романы Анджелы По пошли нарасхват. Но это не поколебало ни его, ни ее.

«Без мистера де Лейси, – уверяла она своим нежным, звенящим голоском, – я бы никогда не сделала того, что сделала», а Эверард рокотал в ответ: «Дорогая моя, мне оставалось только полить и подрезать розу, а цветы все твои собственные». Чаще бывает, что такие вещи если произносятся вслух, то неискренне. Но тут чувствовалось, что оба По, то есть оба де Лейси искренни до предела. И при этом они обменивались взглядом, как две души, связанные узами более крепкими, чем те, о каких известно бездушному свету.

Описывая их, я и сам как будто заимствую стиль Анджелы По. Но трудно было бы в такой обстановке не заразиться ее манерой. Если бы прелестная девушка в простеньком муслиновом платье повстречалась мне в саду и упорхнула, вспыхнув от смущения и с испуганным возгласом, это сму-

тило бы меня, но не удивило бы нисколько. А бывали времена, когда я так и ждал, что на любом повороте подъездной аллеи встречу хромою мальчика с бледным храбрым личиком, просиявшим под лучами закатного солнца. Но детей у де Лейси не было, хотя они очень заботились о бесчисленных отпрысках родственников мистера де Лейси. И это казалось мне как-то оскорбительно.

Я, понимаете, пришел позабавиться. Но, вздохнув, начал если не молиться, так задумываться ². Они кормили меня отменно, обращались со мной церемонно-учтиво, были сентиментальны, но и великодушны. Мне приходилось нередко выслушивать от Анджелы По нежный, звенящий поток ее слов, но со временем я и к этому привык. И мистер Трашвуд был совершенно прав: она, когда хотела, была чрезвычайно разумна, даже саркастична. И умела принимать критику, что меня удивило. По крайней мере, умела принять ее от Эверарда де Лейси. Бывало, что, когда она вкратце намечала нам какую-нибудь сцену или характер, он вдруг произносил своим звучным, рокочущим голосом: «Нет, дорогая, это не годится».

– Но, Эверард, как же тогда Зефе спастись из психиатрической больницы?

---

² Здесь – намек на вошедшую в поговорку фразу из поэмы Голдсмита «Покинутая деревня»: «Пришедший позабавиться – вздыхая, молиться начинал». Перевод В. Топорова.

– А это, моя дорогая, тебе подскажет твой талант. Но в таком виде этот кусок не годится. Я это чувствую. Это – не Анджела По.

– Хорошо, дорогой, – говорила она покорно, а потом поворачивалась ко мне: – Вы знаете, ведь мистер де Лейси всегда прав. – А он говорил в ту же секунду: – Я, молодой человек, не всегда прав, но те скромные дарования, какими я обладаю, всегда к услугам миссис де Лейси...

– Плоды огромного внутреннего богатства.

– Ну, что ты, дорогая, может быть – знание наших отечественных классиков, кое-какой практический опыт в толковании Барда...

И тут они грациозно кланялись друг другу, а мне опять неудержимо вспоминались если не часы с кукушкой, то один из тех деревянных барометров, где ясную погоду предвещает старушка, а дождь – старичок. Только здесь старичок и старушка появлялись одновременно.

Надеюсь, мне удалось передать впечатление, которое у меня сложилось о них, – двое стареющих людей, чуть диковинных, порядком нелепых, но главное – необходимых друг другу. Для молодого человека очень важно иногда увидеть такое – это укрепляет его веру во вселенскую гармонию, хотя в то время он мог этого и не понимать. Для молодого человека знакомство с настоящей жизнью содержит и страшные минуты: он вдруг обнаруживает, что живые люди, не в книгах, совершают самоубийство в заполненной газом спальне,

потому что умереть им хочется больше, чем жить; обнаруживает, что другим людям нравится быть порочными и они добиваются в этом успеха. И тогда он, как пловец за перевернувшуюся лодку, хватается за первую опору, какая попадается под руку. Когда я познакомился с супругами де Лейси, такое показалось бы мне невозможным, но именно они стали одной из опор, за которые я ухватился.

И по мере того как я все больше втягивался в бесконечную паутину работы Анджелы По, я стал понимать, сколь многим она обязана своему мужу. О, сам он не мог бы ничего написать, в этом будьте уверены. Но он знал все протоптанные тропинки мелодрамы во всем их фальшивом жизнеподобии, знал, когда что-то «не годилось». Это я знаю точно, потому что за одной из книг Анджелы По я волей-неволей проследил от первого замысла до выхода в свет. С литературной точки зрения его советы не пошли этой книге на пользу – она была ужасна. Но она удалась. Это была Анджела По; солнце вставало над картонными горами в самую нужную минуту. И каждое слово его критики помогало этому восходу.

И вот однажды, когда я приехал в «Орлиное гнездо», оказалось, что у нее легкая инфлуэнца и она лежит в постели. Ее состояние явно тревожило его, но он настоял, чтобы я остался выпить чаю, потому что мы к этому привыкли. У меня в то время были свои заботы, и я был рад передохнуть на покое. Он призвал на помощь всю свою обходительность, угостил меня парочкой вполне пристойных театральных шуток, но

чувствовалось, что глаза его блуждают, а уши прислушиваются, не раздадутся ли какие-нибудь звуки со второго этажа. Не будь он встревожен, право, не знаю... но тревога располагает к откровенности. Я решил, что сейчас – подходящее время, чтобы поздравить его с участием в ее работе. Он слушал рассеянно, хотя я видел, что ему приятно.

– Рад, что вы так считаете, мой милый, – сказал он, – рад, что вы так считаете. Сколько раз я говорил себе: «Нет, любезный, на этот раз пусть талант горит без помехи. Кто ты такой, чтобы профанировать... мм... священный огонь?» Но гения – даже гения нужно время от времени спускать до уровня нас, простых смертных, и тут, возможно, я и сыграл свою роль. Надеюсь, что сыграл, – добавил он до крайности просто. – Она очень много для меня значит.

– Это я знаю, сэр, – сказал я, но он не слушал.

– Да, – сказал он. – Мы очень много значим друг для друга. Надеюсь, она не забыла принять капли, в самом деле, вы знаете, она ненавидит капли. Наша первая встреча была как вспышка молнии. – Он посмотрел на меня с некоторой торжественностью. – Жаль, что мистер Уэдж, ее первый муж, не понял этого. Но он был сугубо земным существом. Он не мог представить себе союз двух верных душ.

– Миссис де Лейси уже была замужем? – спросил я, и голос мой от удивления прозвучал непростительно резко.

– Мой милый, – сказал мистер де Лейси, и теперь он в свою очередь выглядел удивленным, – я забыл, что вы не зна-

ете. Да, когда мы познакомились, она была миссис Марвин Уэдж, – добавил он задумчиво, – и хороша была, как расцветающая роза.

Тысячи непроизносимых вопросов зароились у меня на губах и там скончались. А он продолжал:

– Я называл ее розой Гошена. Гошен, штат Индиана, мой милый, я там как раз отдыхал после гастролей с Барретом. Играл обоих могильщиков и боксера Чарльза. Чарльз, боксер, это не очень большая роль, но в ней есть что играть. Вернуться после этого в Гошен было нелегко, но бывает и финансовая необходимость. Но как только я встретил Анджелу, я уже знал: меня к ней привело. Уэдж был... мм... владельцем нашего лабаза, постарше меня; когда я был маленький, он гонялся за мной и дразнил «Щепкой». А Анджелу я раньше не знал, она приехала из Зукс-Спринг.

Он умолк и поглядел на меня гамлетовскими глазами. Я так ясно видел всю картину: пыльные улицы городка и молодой обтрепанный актер, только что вернувшийся из неудачного пробного вылета. Я видел Анджелу По, сорок лет назад, в простом ситцевом платье одной из ее героинь. Все это было, наверно, невинно и благородно, невинно и нереально, как театральная мелодрама, включая и фигуру грубого лабазника. Я видел его в жилете и без пиджака, хохочущим над робкими почтительными речами... кого? – невозможно, чтобы уже тогда мальчика звали Эверард де Лейси. А между тем в Гошене романтика одержала победу. Как это случилось?

– Так что мисс По была разведена... то есть я имею в виду развелась с мистером Уэджем, – сказал я.

Мистер де Лейси словно был шокирован, это показалось мне странным. – Мой милый, – произнес он с достоинством, – ни разу ни в одной из своих книг Анджела По не вывела разведенную женщину.

– Я знаю, – протянул я беспомощно, – но в жизни...

– Книги Анджелы По и есть жизнь, – словно припечатал мистер де Лейси. Потом сжалился и добавил: – Нет, мистера Уэджа нет в живых. Он преставился.

– Преставился?

– Меньше чем через год после моего возвращения в Гошен. Попросту говоря, он был убит. – И мистер де Лейси так сурово устремил на меня свой гамлетовский взор, что на секунду мне показалось, что сейчас я услышу некое потрясающее признание. Но последовало другое. – Каким-то бродягой, – выговорил он наконец. – В своем лабазе. С целью ограбления. Анджела тогда ужасно расстроилась.

Я открыл рот и снова закрыл, не издав ни звука.

– Да, ужасно расстроилась. Я был рад, что могу быть с ней рядом, – продолжал он наивно. – Хотя поженились мы, разумеется, много позже. Она в тот день была не в подвенечном наряде, а в костюме, но держала букет из флердоранжа и ландышей. Это я настоял, – добавил он не без гордости.

– А бродяга? – спросил я, жадный до ужасов, как все молодые. – Он что же...

– У-у, его так и не нашли, – прогудел он рассеянно, потому что сверху послышался негромкий шум. – Но Анджела выдержала это изумительно. Она вообще изумительная женщина. – Он встал. – Вы меня извините, на одну минуту, мой милый...

– Мне пора на поезд, но благодарю вас, мистер де Лейси, и поверьте, я не обману вашего доверия, – добавил я, пытаюсь не уступить ему в учтивости.

Он серьезно кивнул и сказал: – Да, да. Возможно, мне не следовало ничего говорить, но мы хорошо вас узнали и оценили за время ваших посещений «Гнезда». И они не должны кончиться вместе с книгой, нет, мой дорогой, нет. Просто я не стал бы этого касаться в разговорах с мисс По. Она не любит вспоминать то время, оно было для нее несчастливое. Мистер Уэдж был, в сущности, – он запнулся, подыскивая нужное слово, потом закончил: – Мистер Уэдж был, в сущности, не очень тонкий человек.

Я заверил его в полном моем понимании и распрощался. Но всю дорогу домой кое-какие мысли вертелись у меня в голове. Меня удивило не то, что Провидение в облике грабителя-бродяги нашло нужным убрать с дороги «нетонкого» мистера Уэджа. Такие вещи вполне могли случиться с Анджелой По. Но почему она вообще вышла за него замуж и как она, соприкоснувшись с реальной жизнью, могла начисто забыть о ней в своих книгах? Но это были вопросы из тех, которые задавать нельзя.

И все же в конце концов я их задал – с отвагой молодости. Задал потому, что полюбил ее, полюбил их обоих. А когда людей любишь, с ними тянет быть честным. В том-то и беда.

Мы уже решили, что когда книга выйдет, отметим это событие втроем. Но не я вложил ей в руки первый экземпляр, я привез с собой только макет и суперобложку. Именно на эту субботу мистер де Лейси наметил одну из своих редких вылазок в Нью-Йорк. Я был даже рад, что застал ее одну, – мне казалось, что после того разговора с ним я заметил некоторую натянутость между нами. Во всяком случае, я чувствовал, что знаю тайну, – и все спрашивал себя, знает ли она, что я знаю. И решил сказать ей по-честному, как много значили для меня в истекшем году безопасность и душевный покой «Орлиного Гнезда». Я только ждал удобной минуты, чтобы начать. Но начали мы, конечно, с разговора об издательских делах. Ее замечания были разумны, остры, и я их оценил, хотя инфлуэнца оставила свой след и выглядела она более хрупкой, чем когда-либо. И вдруг удивила меня, почти испугала вопросом, как я, в сущности, расцениваю ее работу.

За полгода до того я бы просто умаслил ее на благо Трашвуда и Коллинза и на том успокоился, но теперь она была мне дорога, и в конце концов могут у человека быть и собственные взгляды. Масло было не лучшего сорта, и она это знала. И однообразно, безжалостно, своим негромким, нежным голосом продолжала добиваться своего. Мне бы осте-

речься, но я упустил момент. Если бы авторы не страдали манией величия, никто вообще не писал бы книг. Но я забыл об этом первом правиле издательского Дела и продолжал ба-рахтаться.

– И все-таки, мистер Роббинз, я чувствую, что вы мне не верите, не верите Анджеле По, – повторяла она мягко, и наконец я не выдержал и с отчаянной юношеской неосторожностью принял решение.

– Дело не в том, мисс По, – начал я запинаясь, – но если бы вы хоть раз... почему вы не хотите? Ваши читатели, может, будут недовольны, но женщина с вашим опытом, прожившая такую жизнь...

– Таковую жизнь? – переспросила она надменно. – А что вы знаете о моей жизни, молодой человек?

– Ничего решительно, – отвечал я, увязая все глубже, – но мистер де Лейси сказал, что вы оба из маленьких провинциальных городков, а настоящий роман об американском городке...

– Это Эверард вам насплетничал, вот шалун! Придется мне сделать ему выговор, – сказала Анджела По радостно. Но радость была только в голосе. Мне вдруг показалось, что в ее глазах я – скучный дурак и скорее бы убрался вон. Мне очень захотелось, чтобы вернулся мистер де Лейси, но как я ни вслушивался, ни один уголок дома не отзывался эхом его щедрого рокота.

– Ой, не надо, пожалуйста, – сказал я. – Такие прелестные

были истории. Он... он рассказал мне, что в день свадьбы вы были в дорожном костюме.

– Милый Эверард! – сказала Анджела По, – все-то он помнит! Светло-серый шелк с белым воротничком и манжетками, я выглядела в нем очень мило. И вы думаете, из этого я могла бы сделать книгу?

– Мы давно надеемся... ваши мемуары... читателя Анджелы По... – начал я.

Она решительно помотала головой.

– Мемуаров я никогда не буду писать. Мемуары плохо расходятся. Издатели воображают, что это ходкий товар, но нет, они ошибаются. А кроме того, это приоткрыло бы тайну. Вы знаете, кто я такая, молодой человек? Знаете, что мне пишут каждый день, со всех концов страны? Пишут и спрашивают, что им делать со своей жизнью. И я им отвечаю. – Она гордо выпрямилась. – Даю им советы. Очень часто они им следуют. Потому что я – Анджела По, и они знают мои портреты и мои книги. Вот они и пишут, как могли бы писать к боже-ству, – на секунду она потупилась, – а это неплохо для женщины, которая пишет то, что вам кажется чепухой, мистер Роббинз. Но я всегда знала, что могу это сделать, – закончила она неожиданно. – Всегда знала, но что-нибудь всегда мешало, то одно, то другое.

Уйти я не мог – на поезд идти еще было рано, – но мне становилось все неудобнее. Было что-то странное в нежном,

звнящем голосе, нотка фанатического, почти религиозного в своей искренности эгоизма. К эгоизму писателей я вообще-то привык, но тут это звучало в другом ключе.

Она легонько провела платочком по губам. – Ах боже мой, после болезни я много чего стала забывать. О чем мы сейчас говорили? Ну да, вы предлагали мне написать книгу об американском городке. А вы их знаете, мистер Роббинз?

Вопрос был задан так внезапно и неистово, что я чуть не ответил «нет» вместо «да». Потом она сжалилась. – Ну, разумеется, знаете, – сказала она чуть чопорно. – Вы знаете, как там ограничены культурные возможности и как над человеком смеются, если он их жаждет? Или, может быть, этого вы не знаете?

Вопрос был явно риторический. Поэтому я только кивнул, все еще надеясь, что вот-вот услышу в холле шаги мистера де Лейси.

– И даже так, – продолжала она ласково, – вы ведь не принадлежите к женскому полу. А женщину обидеть легче, чем думают джентльмены. Даже Эверард иногда меня обижал, о, не умышленно, и я быстро его прощала, – добавила она с царственным жестом. – А все-таки обижал. – Теперь она несомненно говорила не столько со мной, сколько с самой собой, но от этого мне было не легче.

– Все остальное я могла бы Марвину простить, – сказала она, – пьянство, неумные страсти, грубые шутки.

Как я вышел из этого дома – до сих пор не знаю, наде-

юсь, что внешне прилично. Но до того как я пришел в себя, «Гнездо» уже осталось позади, а я отшагал хороший кусок на двухмильном пути к станции. Ее последние слова и картина, которую я за ними увидел, – вот отчего меня пронзило подлинное холодное содрогание. Я все думал – сколько же популярных писателей и писательниц – убийцы, и почему полиция их всех не арестует. Я мог даже поверить, что если бы злополучный мистер Уэдж заплатил в типографии восемьдесят долларов, он, возможно, остался бы жив. Ибо есть эгоизм, который высмеивать или обуздывать небезопасно, рискуешь, что взорвутся первоизданные силы.

И тут, когда я уже почти дошел до станции, я вдруг рассмеялся целительным смехом нормальной жизни. Ибо все это было уморительно, и Анджела По отомстила мне отменно. Я сказал ей, что думаю о ее работе, а она очень ловко и убедительно заставила меня проглотить самую нелепую смесь всякого вздора, какую могла придумать, и доказала, что рассказчица она – первый сорт. Но, удалившись от монотонного очарования ее голоса, думать о ней как об убийце было просто невозможно, а думать о мистере Эверарде де Лейси как о сообщнике – либо до, либо после преступления – и подавно. Либо еще – она все эти годы скрывала от него правду, а это тоже было немислимо.

У меня даже мелькнула мысль вернуться в «Гнездо» и смиренно сознаться его хозяйке в своем безумии и своем поражении. Но до отхода моего поезда оставалось всего

пятнадцать минут, а в Нью-Йорке я был приглашен к обеду. Лучше напишу ей письмо – это ей понравится. Я ходил взад-вперед по перрону, сочиняя для письма красивые, полноречивые фразы.

Поезд из Нью-Йорка пришел за шесть минут до моего, и в толпе выходящих я с радостью заметил стройную фигуру Эверарда де Лейси. Он пожал мне руку и прогудел, как он жалеет, что не застал меня. – И как там мисс По? – спросил он тревожно. – Меня сегодня с раннего утра не было дома.

– О, она была великолепна, не помню, чтобы она когда-нибудь выглядела лучше, – ответил я, согретый теплом затаенного смеха. – Мы проговорили несколько часов, она вам расскажет.

– Это хорошо. Это очень хорошо, мой милый, для меня это большое облегчение, – проговорил он, ища глазами коляску, которая еще не подъехала. – Дженкс что-то запаздывает. – Потом он бросил на меня быстрый взгляд. – Вы случайно не упоминали о том, что сказали мне, когда мы с вами болтали, а она еще была так больна?

– Не упоминал? – И я широко улыбнулся. – Ну как же, даже очень.

Почему-то весь вид его выражал облегчение. – Я от души вам благодарен. Значит, вы действительно чувствуете – а слышать это от вас что-нибудь да значит, – что я ей по-настоящему помогаю? В смысле ее книг, ее карьеры...

– Ну разумеется, – сказал я, хотя был немного озадачен.

– Превосходно, – пророкотал он. – Превосходно. – Старомодным актерским жестом он взял меня за лацкан. – Понимаете, – сказал он, – это глупо с моей стороны, и теперь мы, конечно, оба старые. Но иногда у меня бывает ощущение, что я не так уж ей необходим. И это меня очень беспокоит.

На миг, пока он это говорил, из глаз его выглянул страх. Это не был постыдный страх, но он жил с ним, очевидно, долгое время.

Я не вернулся в «Орлиное Гнездо», не вернулся и к Трашвуду с Коллинзом. Второе без первого потребовало бы объяснений, а пускаться в объяснения я не был склонен. Вместо этого я переехал в другой пансион и стал работать агентом по продаже алюминиевых товаров. А через шесть месяцев вернулся в Централ-Сити и занял вакансию на цементном заводе моего отца, которую тот приберегал для меня. Ибо я пришел к убеждению, что не создан для Нью-Йорка и для жизни в литературе: для этого мне не хватало самоуверенности Анджелы По.

Однажды, в те шесть месяцев, что я еще там жил, мне показалось, что я видел мистера де Лейси на улице, но он меня не заметил, и я бежал его. И конечно, как я ни старался держаться от них подальше, я видел анонсы о последнем законченном романе Анджелы По. Она умерла, когда я уже три месяца жил в Централ-Сити, и когда я прочел, что о ней скорбит муж, актер Эверард де Лейси, я почувствовал, что

с души у меня сняли тяжкую ношу. Но он пережил ее всего на несколько месяцев. Очень уж скучал по ней, наверно, а некоторые связи в жизни особенно прочны. Мне хотелось задать ему один вопрос, всего один, а теперь я уже никогда этого не узнаю. Шекспировские роли он играл безусловно, а когда они уехали из Гошена, он на довольно долгое время вернулся на сцену. В некрологе упомянуты и Отелло, и Гамлет. Но есть еще одна роль, и мне интересно, играл ли он ее и что из нее сделал. О какой роли я говорю, вы, вероятно, уже поняли.